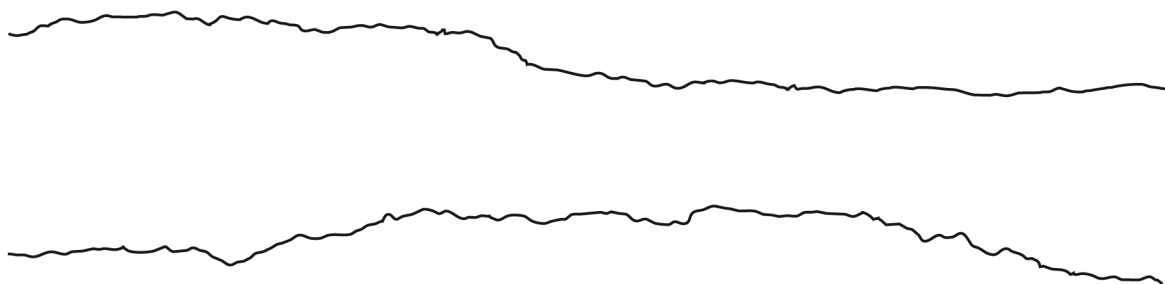

литературное
НОВОЕ
обозрение

Фёдор Хиросигз. Канун нового года, за секунду до появления лисьих огней
Бумага, акриловые чернила, перо, чернильный карандаш, акварельный карандаш,
тушь, чернила. 75 x 122.5 см. Фрагмент. 2026

От редакции

Проблематика разрыва, когда мир погружается в состояние неопределенности будущего — будь то революция, смена режимов, разлом поколений или сдвиг культурных парадигм, — одна из наиболее объемных и провоцирующих проблем модерна. В эти периоды в культуре отмирают или маргинализируются старые нормы, ориентиры и векторы движения, чтобы уступить место новым. Новые же не возникают одновременно, но проходят сложный этап конкуренции за право выжить и определять собой горизонты будущего. В эти моменты возникает потенциал обращенности в будущее, чреватый разновекторными сценариями.

Вопрос о том, как помыслить будущее, вставал перед многими ключевыми теоретиками современности. Фрэнсис Фукуяма ставил вопрос о конце истории и прогнозировал, что либеральная демократия может оказаться последней универсальной формой политического устройства. После этого будущее должно будет пониматься уже не как поиск новой формы общества, а как развитие внутри существующего порядка. Алейда Ассман считала, что утрата памяти о прошлом влечет за собой утрату будущего и что без коллективного представления о будущем демократия теряет способность действовать. Ганс Ульрих Гумбрехт утверждал, что современная культура вышла из режима исторического времени Нового времени. Если раньше настоящее было переходом к будущему, то сегодня мы живем в расширенном настоящем (*broad present*), где прошлое накапливается, а будущее перестает выполнять функцию горизонта ожидания. Райнхарт Козеллек, введший понятия «горизонт ожидания» (*Erwartungshorizont*) и «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*), показывал, что именно в XVIII–XIX веках возникает современное понимание будущего как открытого и отличного от прошлого. До модерна будущее мыслилось преимущественно как повторение или исполнение божественного плана. Эрнст Блох понимал будущее как утопический потенциал, уже присутствующий в настоящем. Франсуа Артог считал, что современность характеризуется презентизмом — господством настоящего, которое вытесняет и прошлое, и будущее. Жак Деррида полагал необходимым мыслить будущее не как

прогнозируемое завтра, а как *l'avenir* — приход абсолютно иного. В поздних работах Бруно Латура вопрос будущего связывался с климатическим кризисом: мы больше не можем мыслить будущее как бесконечный прогресс, необходимо переопределить само отношение человека к Земле. Наконец, Арджун Аппадурай утверждал, что будущее производится культурой: будущее есть культурный факт, который возникает на пересечении воображения, стремления и предвосхищения.

Для российского контекста вопрос будущего стал особенно актуален в постсталинском СССР, когда произошла утрата общего темпорального горизонта, способного ориентировать коллективную жизнь. Палитра эмоций, которые мы переживали в последние десятилетия по поводу будущности как линейного прогрессистского проекта — боль, шок, утрата, отчаяние, пустота, ощущение конца времен, тотальной катастрофы, — свидетельствует о том, что сейчас как раз момент такого разлома, который позволяет ухватить проблему будущего, преломленную в практиках культурной саморефлексии. Актуальным становится вопрос о возможности социальных институтов, которые создавали бы условия для выработки будущего как общего смыслового горизонта.

В журнале «Новое литературное обозрение» уже выходили работы, посвященные проблематике темпоральности, трансформации субъектности в структурах времени или оценкам потенциала того или иного сценария будущего в России. Мы посвящали этой теме спецвыпуск «1990-й: опыт изучения недавней истории» (№ 83/84, 2007), где проводили анализ последнего переломного года существования советской империи, события которого предопределили последующее развитие страны. В программном 100-м специальном номере «Антропология закрытых обществ» (2009), опираясь на теорию «множественных модерностей», мы рассматривали специфику культурно-антропологических трансформаций общества в контексте тоталитарных систем. Третий опыт проблематизации был предпринят в специальном выпуске «Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов» (№ 116/117, 2012), где ставилась задача проследить, как меняется жизнь частного человека в результате глобальных катаклизмов прошлого века: мировых войн, интеллектуальных, социальных и научно-технических революций, геополитической перекройки мира. В специальном выпуске «Fin de siècle. Антропология переломных эпох» (№ 149, 2018) мы проблематизировали культурное самоощущение переходного времени и сопутствующие ему культурные практики¹. В этом отношении нынешний спецвыпуск ложится в продолжение логики антропологического подхода к изучению форм культурного самосознания в ситуации слома или смены темпоральных режимов. Разумеется, мы рассматриваем данный спецномер как первый подступ к необъятной теме будущего, к которой мы будем регулярно возвращаться в дальнейших номерах.

1 См. также выходившие в НЛО книги и статьи: Гумбрехт Г.У. В 1926 году: На острие времени (2005); Ассман А. Трансформации нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. № 116; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна (2017); Гумбрехт Г.У. После 1945. Латентность как источник настоящего (2018); Ландвер А. По эту сторону истории. В защиту другой историографии (2026); Хархордин О. Прошлое и будущее республиканского проекта в России // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 197–217 и др.

Культурная антропология будущего как относительно недавнее направление интеллектуальной мысли заставляет сегодня поставить новые и заново переосмыслить старые вопросы: есть ли у нас будущее? должно ли оно быть общим? кто эти «мы», мыслящие себя в едином хронотопе? возможен ли общий ориентир на будущее в условиях распада общей системы координат? как переживается утрата будущего? что стоит за попытками разных социальных групп восстановить утраченную предсказуемость темпорального горизонта? если сценарии будущего у разных социальных групп разные, то как они друг с другом соотносятся в едином темпоральном срезе? должно ли, наконец, будущее вообще строиться вокруг фигуры антропоцена?

Постановки вопросов и специфика ответов культурной антропологии будущего разнятся в зависимости от подхода внутри этого направления. Это поле строится сегодня как пересечение нескольких дискуссий: одни авторы описывают будущее как форму переживания (ожидание, надежда, предвосхищение). Другие реконструируют институциональные, политические, экономические условия возможности той или иной утвердившейся модели представления о будущем. Третьи пытаются найти альтернативные способы структурирования времени в повседневных ритуальных практиках и психических процессах. Четвертые видят в традиционной прогрессистской модели будущего скорее ставку в борьбе национальных государств за легитимацию. В целом современные исследования переносят акцент на институциональные, материальные и аффективные условия представлений о будущем в настоящем, а также вырабатывают новый аналитический язык описания, который среди прочего предполагает разговор о будущем во множественном числе (как о «будущих»). Эрозия, распад и перестройка связного, линейного, прогрессистского темпорального режима, которые фиксирует историография последних десятилетий, открывают возможность множества исторических будущих как множества возможных траекторий исторического развития.

Опираясь на уже проделанный опыт, мы исходим из того, что каждый более или менее радикальный культурный, социальный сдвиг или перелом несет в себе **потенцию нескольких сценариев будущего**, которые могут проявляться одновременно, входить в конфликт, конкурировать друг с другом, подавлять один другого или выигрывать в борьбе. Сама эта точка столкновения разных аксиологий, систем взглядов и представлений свидетельствует о «разрыве времен» или переломе эпох, требующих исследовательского внимания и ревизии исследовательского языка: сегодня мы говорим в терминах переборки будущего, сценарной истории или палимпсеста представлений о будущем, конфликтных конкурирующих логик будущего и т.д.

В качестве **гипотезы** для спецвыпуска мы выделили четыре сценария и попытались показать, как они работают в современной культуре: 1. *апокалиптически-христианский*, эсхатологический, который предопределен границами религиозного мышления и эпистемологией Священного Писания; 2. *мифологический*, оперирующий конструкциями массового сознания и мифологемами для конструирования горизонта будущего; 3. *эволюционный*, предполагающий, что мир неизменно развивается в определенном векторе; 4. *переломный*, предполагающий, что для открытия горизонта будущего необходим радикальный слом старого мира.

Наши авторы исследуют разные и конфликтные модели будущего: утопическое, дистопическое, распавшееся будущее или его отсутствие, будущее

как постоянно возобновляемое прошлое и т.д. Они вычленяют различные модальности отношения к нему, свойственные разным социальным группам и историческим контекстам: предвосхищение, ожидание, спекуляция, монополизация, надежда, судьба, потенциальность, распределенность в неравных пропорциях и т.д. А также проблематизируют само понятие «будущее», показывая его культурно-историческую обусловленность.

Основной линией номера стала интенция помыслить будущее(ие) **эмансипаторным проектом**, когда кризис, словами одного из авторов спецномера, разрушает «само собой разумеющееся», а на его руинах рождается или позволяет себя проектировать «не само собой разумеющееся». Разговор о будущем — это своего рода **переоткрытие прошлого**: для серьезного размышления о будущем надо радикально и категориально-структурно переосмыслить прошедшее, а не только говорить из настоящего о *пред-*стоящем. Наши авторы показывают, что в самом режиме темпоральности, так или иначе культурно и институционально обусловленном, заложены возможности как гегемонии, так и эмансипации. Гегемонии темпоральности обнаруживают себя тогда, когда в силу институциональных и эпистемических условий одни темпоральные режимы воспринимаются как естественные и авторитетные, а другие — как вторичные или отклоняющиеся от нормы. Отсюда — критически-нормативный посыл значимой части спецвыпуска, посвященной проблеме времени: освободить само время от гегемоний темпоральных режимов — значит не только сделать еще непредзаданным, неозначенным будущее, но и прошлое показать как не-неизбежность, как открытый потенциал.

Как пишет один из авторов номера, французский историк Жером Баше: «Отдавая должное стремлению к новизне, эмансипацию все же не следует воспринимать как полный разрыв с прошлым. Напротив, именно прошлое способно дать точки опоры для прокладывания новых путей. И пусть переосмысленная таким образом эмансипация открывает горизонт возможностей, никаких гарантий она не дает: нет больше ни заранее проложенного пути, ни уверенности в светлом завтра. Как нет ни объявленного идеального финала, ни идеи совершенства, ни заранее определенной конечной цели. Нет Всеобщего Мира, нет какой-либо другой реализации Единого. Нет Земли обетованной. Нет Возвращенного рая. Создание достойных и свободных форм жизни возможно лишь на пути, проложенном через трудности, распри и конфликтующие возможности — неизбежные следствия признания множественности этих путей. Эмансипация может мыслиться лишь как бесконечная борьба против всего, что может на нее посягать»².

Спецвыпуск открывается подборками стихов Марии Степановой и Александра Скидана, которые по-разному размечают само поле возможности поэтического говорения о будущем, а прологом к теоретической части номера служит эссе Алексея Юрчака «Исчезнувший горизонт», диагностирующее глубокую эрозию темпорального режима, в котором мы существуем. Книга «Историки о будущем», которая выходит в рижском издательстве *Überbau*, показала нам важной стартовой точкой для серьезного разговора о дисциплинарной задаче, которая встает перед специалистом по прошлому в момент

2 Баше Ж. Переоткрывая будущее: возникающие миры и беспрецедентные исторические будущие // Новое литературное обозрение. 2026. № 200. С. 71.

разговора о будущем. Мы публикуем в качестве препринта две статьи из этой книги и сопровождаем ее дискуссией авторов НЛО о сборнике.

Одним из естественных способов мыслить будущее является ностальгия по прошлому, производящая аффективное прогнозирование потенциальных событий. Именно этому посвятила свою влиятельную книгу «Будущее ностальгии» Светлана Бойм. Двадцать пять лет, прошедшие с момента ее публикации, — ощутимый срок, чтобы оценить, наступило ли это самое будущее и какая из описанных Бойм моделей — рефлекслирующая или ностальгирующая — одержала верх. В специальной анкете, посвященной юбилею «Будущего ностальгии», наши авторы читают Бойм с сегодняшних позиций, а в обширной статье Ильи Калинина предлагается полемическое прочтение ее работы и широкий экскурс в современное общественное культурное сознание. Другим чрезвычайно влиятельным мыслителем, наметившим саму рамку разговора об основной проблеме спецвыпуска, был Райнхарт Козеллек, чья книга «Прошедшее будущее. К семантике исторических времен» (1979) выходит на русском языке в нашем издательстве; мы публикуем две главы из нее в сопровождении программного эссе Тимура Атнашева об институте «возгонки» в политической философии.

Переходя от исторической части к чисто теоретической, мы не могли обойти вопрос о темпорализации воображения. Как классифицировать время, на какие участки оно делится, из каких фрагментов изобретается будущее? Этим вопросам посвящены статьи из исторической, культурологической, антропологической, урбанистической и философской перспектив, написанные Андреем Олейниковым, Кевином Платтом, Гансом Ульрихом Гумбрехтом, Бруно Карвальо, Русаной Новиковой и Фредриком Джеймисоном. Последнему имени в этом ряду в нашем выпуске уделено особое внимание. Очень выборочно переводившийся на русский язык до своей недавней смерти, Фредрик Джеймисон предложил радикальный, но притом чрезвычайно фундированный тезис о поиске утопического импульса в широком круге культурных явлений, с которыми сталкивается сегодняшний теоретик. Его неомарксистская перспектива оказалась чрезвычайно продуктивной в эпоху упадка утопического сознания и определила целый спектр методологически разных исследований о возможности веры в утопию в эпоху позднего капитализма. Специальный круглый стол о книге Джеймисона «Археологии будущего» показывает болезненную актуальность этой книги, до сих пор недоступной на русском языке, и прокладывает траекторию к блоку статей об утопии и дистопии в современности, в рамках которого Михаэль Лёви, Джонатан Флэтли, Пол К. Сейнт-Амур, Эндрю Флэшман и Лолита Агамалова очерчивают концептуальные рамки нынешнего извода социальной рефлексии культуры.

Поскольку дисциплинарным стержнем нашего журнала была и остается история литературы и искусства, постольку в юбилейном номере мы предлагаем широкую перспективу художественных практик, связанных с проблематизацией будущего, прежде всего в литературе как одной из главных форм передачи знаний и кино как главном футурологическом искусстве прошлого века. Наши авторы работают в жанрах от широких панорамных обзоров (Сергей Зенкин) до внимательных прочтений отдельных текстов (Олег Горелов, Анатолий Корчинский), с фокусом на русскоязычном (Игорь Кобылин, Татьяна Дашкова) и западном искусстве (Дмитрий Симановский, Оксана Булгакова), писателях XIX (Илья Кукулин) и XX (Наталья Гринина) столетий.

Впрочем, сама проблематика спецвыпуска подразумевает разговор и о происходящем в нашем веке, о технологической революции, определяющей как минимум ближайшие годы. Статьи об искусственном интеллекте ставят следующие проблемы: как меняется пространство коммуникации, когда в него вступают чат-боты? как искусственный интеллект продуцирует логику заботы о нас и нашем будущем?

Тематически подобранные разделы библиографии и хроники научных событий отвечают на вопрос, заданный в рецензии редактора раздела «Библиография» Абрама Рейтблата «Как изучать образ будущего?». В разделах представлен целый ряд аналитических рецензий на издания последних лет на русском, английском и немецком языках и отчеты о конференциях, посвященных режимам будущего, своевременности как сюжета и новым прочтениям наследия формального метода.

Выпуск украшен графикой, предоставленной «Новому литературному обозрению» галереей *Anna Nova*, за что мы выражаем благодарность ей и художникам, вдохновившимся проектом множественных будущих.